

когда
ЛЮБОВЬ
становится жертвой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

A. Safina

Когда любовь становится жертвой

«Автор»

2026

Safina A.

Когда любовь становится жертвой / А. Safina — «Автор», 2026

Её жизнь расписана по минутам - от первого урока до последнего «ты должна», где нет места её собственным желаниям. Мать видит в ней не дочь, а проект, который обязан оправдать все ожидания. Но однажды в этой безупречно выстроенной клетке появляется он - преподаватель, который замечает её настоящую: тихую, загнанную, отчаянно ищущую хоть каплю свободы. Он хотел лишь помочь, хотел быть тем, кто впервые спросит: «А чего хочешь ты?» Но между ними - границы, которые нельзя переступать, и его собственная тень, куда опаснее любых правил. В его жизни есть сторона, о которой не говорят вслух, - мир, где цена ошибки измеряется не оценками, а судьбой. Теперь он стоит на грани: поддаться тому маленькому греху, который тянет их друг к другу, или найти в себе силы сберечь её для чего-то большего. А она впервые начинает понимать: быть личностью - это не бунт, а смелость услышать свой голос, даже когда весь мир требует тишины.

© Safina A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А. Safina

Когда любовь становится жертвой

Пролог

— Талия? - Мой голос прозвучал ниже, чем планировалось.

— Всё хорошо. Теперь да. Этот гребанный груз ответственности за «идеальные» отношения просто испарился. За одни сутки я... изменилась. Стала сильнее. И всё благодаря тебе.

Слова звучали уверенно, но в глазах всё еще дрожал испуганный зверек. Она пыталась убедить в своей стойкости не меня — себя. И всё же внутри меня поднялась волна удовлетворения. Никто больше не посмеет сделать ей больно. Теперь она моя зона ответственности. Моя добыча, которую я вырвал из лап чужих ошибок. Я подошел к столу и сделал едва заметный жест пальцами. Она поняла без слов.

Каждый шаг давался ей с трудом, но она шла. Шла прямо в ловушку, добровольно сдаваясь на милость победителю. Когда она оказалась вплотную, я перехватил её запястье. Грубая хватка без намека на боль. Пусть знает и чувствует: я не уже не отпущу.

— Почему ты не сказала, что собираешься встретиться с Лиамом? — мой голос сорвался на резкость. Эта мысль бесила меня. Если бы этот сопляк посмел прикоснуться к ней... Я бы стер его в порошок, закопал бы так глубоко, что полиция не нашла бы и следа. Она попыталась возразить, но я лишь сильнее сжал её руку, отрезая любые пути к отступлению. — Нет, слушай меня внимательно. Это не игрушки. Мальчишки в его возрасте — гребанные эгоисты. Они не видят границ между своей уязвленной гордостью и чужой болью. Ты понимаешь это?

— Да, — выдохнула она, опуская глаза.

— И, к слову, ты опоздала.

— А мне казалось, это вы заставили себя ждать, мистер Питерсон, — дерзко парировала она, приподняв бровку. В ней просыпался бунт. И мне чертовски нравилось наблюдать, как эта правильная девочка сбрасывает оковы.

— Повернись.

Это был приказ. Она не посмела ослушаться. В ту же секунду мои руки подхватили её, легко укладывая на прохладную поверхность стола. Пора преподать ей главный урок. Урок абсолютного подчинения и пунктуальности.

— Сейчас я буду учить тебя пунктуальности, — мой голос оставался будничным, создавая жуткий контраст с тем пламенем, что уже разгоралось между нами.

Она замерла, с трудом дыша.

— Расслабься, — я наклонился ближе, изучая её реакцию. — Хочешь узнать, насколько глубока эта тьма, Талия? Хочешь опуститься на самое дно вместе со мной?

— Да, — её шёпот едва сорвался с губ.

— Я спрашиваю только потому, что проявляю к тебе уважение, — мои пальцы скользнули на её поясницу. — Но поверь, эта мягкость идет вразрез с моей природой.

Я медленно начал расстегивать ремень на её платье. Я видел её страх, видел панику, кричащую о побеге. Но я также видел, как отчаянно она жаждет остаться. Подол скользнул вверх. Хлопковые трусики выглядели на ней невинно под моим взглядом.

— Готова?

Она кивнула слишком быстро, выстраивая защиту из молчания.

— Мне нужны слова, Талия.

— Да, Тьяго. Я готова, — выдохнула она.

Моя рука взметнулась вверх и удар разорвал тишину. Она зажмурилась и закусила губу до крови. Но я прекрасно видел по её реакциям, по тому, как качнулись бедра: боль мгновенно трансформировалась в возбуждение. Ей нужно было это наказание так же сильно, как и мне.

— Считай до пяти. Громко.

— Раз... — выдавила она под новым ударом.

— Два...

— Три... — я резко перехватил её дрожащие бедра, фиксируя на месте.

— Выдержишь?

— Да, — всхлип, потонувший в четвертом ударе. Я накрыл горячую, заалевшую кожу ладонью, остужая её и одновременно втирая жар глубже, превращая боль в чистый экстаз.

— Четыре... — хриплый стон сорвался с её губ. Пятый удар стал финальной точкой.

— Пять... — прошептала она, содрогаясь всем телом.

Я опустил ниже, касаясь губами кожи, стирая границу между наказанием и лаской. Затем аккуратно опустил подол платья, поднял её на руки и усадил к себе на колени, позволяя уткнуться в моё плечо. Мои пальцы запутались в её волосах.

— Я показал тебе пример. Вот кто я, Талия. Я не из тех мужчин, которые будут нежничать. Я беру то, что хочу. Она помедлила секунду, а затем медленно подняла на меня глаза. На её губах расцвела та самая улыбка, ради которой стоило затевать эту игру:

— Пока меня всё устраивает.

Глава 1

Утро в нашем доме никогда не наступало с тихим рассветом или ласковым звоном будильника. Оно врывалось безжалостным, выверенным тиканьем идеального механизма — того самого, в котором тишина кричала громче любого скандала. Я лежала с плотно зажмуренными глазами, изо всех сил вжавшись в холодные простыни. Мне казалось: если я откажусь открывать глаза, эта спальня перестанет быть моей персональной клеткой. Перестанет диктовать, сколько вздохов мне позволено сделать за день, кем мне быть и что чувствовать.

На тумбочке у изголовья кровати покоился ежедневник в тёмном кожаном переплётё. Его страницы были исписаны идеальным, почти каллиграфическим почерком матери: «факультатив по экономике», «консультация с репетитором», «встреча с деканом», «Лиам — исключить». Последнее имя было перечёркнуто трижды. Стальное перо её ручки прорезало плотную бумагу почти насквозь. Мать пыталась вытравить его не просто со страницы — из самой моей реальности.

Вчерашняя бойня не растворилась к утру. Напротив, она осела в комнатах густым туманом, впиталась в тяжелый паркет, в бархат портьер, въелась прямо под кожу. Напоминала каждым отзвуком: выходов нет. В голове снова и снова проворачивались её вчерашние слова, оставляя за собой кровоточащие раны: «Если тебе так горит трахаться с этим вырожденком, одного раза в неделю достаточно для поддержания физиологии. В остальном — твоя жизнь принадлежит учебе и нашей фамилии». Грязные, циничные фразы, от которых выворачивало наизнанку. И от этого абсурда было больнее всего: не от самой жестокости, а от того, насколько глубоко мать была слепа, с лёгкостью заменяя живую дочь своими порочными и искажёнными проекциями.

— Талия! — Её голос прорезал коридор. Ровный, без единой человеческой трещины. — Завтрак на столе. Через сорок минут выезжаем. Я сжала кулаки так, что острые ногти глубоко въелись в ладони. Кожу обожгло вспышкой боли, оставляя тёмные полумесяцы, готовые проступить кровавыми точками. «Выезжаем».

Не «поедем», не «давай позавтракаем». Я никогда не была для неё дочерью — я была активом, подчиненным, чей график расписан до секунды, а любые эмоции считались заводским дефектом, подлежащим незамедлительному уничтожению. Каждое утро я в панике боялась увидеть в зеркале ту же мёртвую пустоту, которую мать с таким садистским упорством в меня вбивала. «Ты — никто. Пустое место. Личностью ты станешь только тогда, когда отработаешь вложенные в тебя инвестиции». Это звучало в моем сознании как проклятая, заученная песня, и я не могла её остановить. Но где-то глубоко под рёбрами всё ещё бился отчаянный, глухой крик: «Я здесь. Я живая. Почему ты меня не видишь?»

Я механически умылась ледяной водой, надела безупречно отглаженную блузку и вышла на кухню. Мать восседала во главе стола, просматривая документы. Вчерашняя буря для неё была не более чем легким сквозняком. Отец сидел рядом. Внешне — успешный, солидный человек. Но стоило ему переступить порог этого дома, как вся его деловая сталь испарялась. Под железным гнетом матери он мгновенно превращался в невидимку — ссутулившегося, безмолвного призрака, который молча пил свой черный кофе, уставившись в чашку и старательно избегая смотреть мне в глаза. Он привык растворяться в тени в моменты, когда требовалось проявить хоть каплю характера и сказать: «Стоп. Хватит. Она ломается». Его молчание было самым страшным предательством. Оно означало только одно: в этой войне я абсолютно одна, и ждать защиты от человека, который пасует перед собственной женой, бессмысленно.

— Садись, — бросила мать, даже не подняв взгляда. — У нас мало времени.

Я опустилась на край стула. Холод сковал грудную клетку, превращая внутренности в крошево из льда. Рядом с ней еда на тарелке казалась пеплом. Каждый глоток воздуха давался с боем, а каждый взмах её идеальных ресниц ощущался как занесенная гильотина.

— Сегодня у тебя аудиенция с мистером Питерсоном, — произнесла она, наконец откладывая бумаги. В её глазах плескался расчетливый блеск. — Он держит для тебя грант. Это твой шанс.

«Мой шанс», — мысленно прошипела я. Нет. Это был её трофей. Ещё один билет в высшую лигу, где моё искалеченное тело и выжженная душа станут доказательством её безупречного господства.

— А если я не хочу этот грант? — прошептала я. Голос дрогнул, но я вытолкнула эти слова. Я сама ужаснулась собственной дерзости. Мать замерла. Секунда тишины. В этой паузе я слышала, как дико сучит пульс в моих висках. Даже отец затаил дыхание, ещё сильнее вжавшись в свое кресло. Затем её взгляд медленно поднялся ко мне. Он был не просто ледяным — он обещал распилить меня на удобные, правильные кусочки.

— Ты не имеешь права знать, что для тебя лучше, — чеканя каждое слово, произнесла она. — Я делаю все, чтобы ты не сдохла никем.

— Я не ты, — шёпотом ответила я, чувствуя, как обжигающие слёзы затапливают глаза. — Я не хочу быть такой, как ты.

— Тогда кем ты собралась быть? — Голос матери упал до шепота, от которого волосы на затылке встали дыбом. — Шлюхой какого-то нищего выроodka с автосвалки?

Лиам.

Его имя ударило по стенам, как запретное заклятие. Моё сердце пропустило болезненный удар. Мать не понимала. Ослепленная своей властью, она искала грязь там, где была единственная опора. Между мной и Лиамом никогда не было той дешевой, пошлой грязи, в которой она пыталась меня уличить. Не было фальшивых клятв, не было лихорадочной, разрушительной страсти. Наша связь давно переросла в нечто куда более глубокое — в тихую, прочную дружбу, спасительную гавань в мире, где меня душили каждый день. С Лиамом не нужно было заслуживать право на шаг и вдох. Можно было просто сидеть на капоте его старого пикапа, слушать, как он рассказывает про пахнущий бензином гараж и своего отца-механика, и чувствовать, как тяжесть этого мира спадает с плеч. Он никогда не спрашивал про мой средний балл. Он смотрел прямо в глаза и тихо говорил: «Ты сегодня ела? Возьми мою куртку, ты же замёрзла». От этой простой защиты сердце разрывалось от страха. Страх, что монстры из моего дома доберутся и до него. Каждый раз, когда я тянулась к нему, я замирала от ужаса. Если я сделаю шаг ближе, если покажу, насколько он мне нужен — мать просто перережет эту нить. А вместе с ней — и моё горло.

Паника хлынула горячей волной. Вдруг она уже знает? Вдруг она чувствует, как сильно я за него держусь? Не выдержав давления, я резко поднялась. Тарелка с грохотом упала в раковину — этот звон больно отозвался в тишине дома. Не слушая криков за спиной, я побежала к выходу. Пальцы с трудом слушались, застёгивая пуговицы пальто. Я выскочила за тяжелую дверь на морозный воздух, не оглядываясь. Пусть думает, что я сбежала от злости или просто тороплюсь. Главное — чтобы она не увидела мой дикий страх потерять Лиам.

В кармане короткими импульсами вибрировал телефон. Экран вспыхнул.

— Как ты?

Тепло и ужас столкнулись внутри, разрывая на части. Я быстро застучала пальцами по экрану, укрываясь привычной лживой броней:

— Я в порядке. Просто завалили учебой. Увидимся в четверг?

Я зажмурилась, ненавидя себя за эту трусость. Но Лиам пробивал мои стены насквозь.

— Талия. Не ври мне. Если не хочешь говорить — ладно. Но не пиши «в порядке».

Я закусила губу до отчетливого вкуса железа. В его словах не было упрёка. Только забота, от которой хотелось уткнуться ему в грудь и разрыдаться прямо посреди улицы.

— *Прости. Всё слишком сложно. Я не хочу утянуть тебя на дно.*

— *Я не из хрусталя, не ломаюсь. Я выдержу. Или просто посидим молча. Если тебе это нужно.*

Я прислонилась затылком к холодному бетону фонарного столба и закрыла глаза. В моем мире, где за каждый шаг приходилось платить кровью, просто быть рядом с кем-то без условий было опасной, почти преступной роскошью. Лиам был моим спасением. И одновременно — моей самой уязвимой мишенью. Если мать поймет это, она отберет его. Не криком, так едким замечанием, сомнениями, шантажом. Она заставит меня поверить, что он тянет меня вниз. Но оттолкнуть его собственными руками казалось медленным самоубийством.

— *Хорошо. Четверг. У парка. В три.*

Спрятав телефон глубоко в карман, я пошла по серому тротуару. Удушливый ком в груди чуть подтаял — ровно настолько, чтобы сделать следующий вдох. Я остановилась, подняла подбородок к серому небу и прошептала — не миру, а бездне внутри себя:

— Я не исчезаю. Меня пытаются стереть. Но я всё ещё здесь. И я буду бороться.

Глава 2

Я шагнула в коридор и желудок тут же сжался в болезненный узел. Нью-Йоркский университет будто двинулся навстречу выбивая из лёгких последние остатки кислорода. Хотелось сорвать с себя эту чёртову форму, зажмуриться и раствориться в темноте, сделав вид, что этого ада не существует. Но он существовал — отравляющий и неизбежный.

Раздевалка встретила меня смесью парфюма, пота и гула голосов. Девчонки уже сбились в стаю: они шептались и хихикали, одаривая меня сканирующими, косыми взглядами, от которых кожа покрывалась ознобом. Я сотни раз пыталась построить с ними хоть какое-то подобие нормального диалога, пробить этот панцирь, но каждый раз разбивалась о глухую стену. А Кэтти... Кэтти возвышалась перед этой стеной — цербер без намордника, патрулирующий границы своего фальшивого королевства. Моя соседка. Помеха. Мой личный надзиратель. Она всегда знала, что происходит у дверей моего дома, а порой и за закрытыми ставнями. Оружие в её руках было заточено безупречно, и она не упускала случая всадить его мне под рёбра.

— Талия, наконец-то, — Кэтти даже не удостоила меня прямым взглядом, продолжая выстукивать что-то на экране телефона. — У «Львов» на носу финал, а ты ползёшь, как на казнь. Ты закончила схему расстановки? У нас катастрофический некомплект, а ты вечно летаешь в своих иллюзиях!

— Я не ползу. У нас в запасе ещё целых пять минут. И да, схема готова, — я шагнула к своему шкафчику, чувствуя, как пальцы предательской дрожью бьют по металлической ручке. Не от страха. От истощения.

— Пять минут? — Кэтти медленно вскинула подбородок, и в её глазах вспыхнул знакомый блеск хищника, чующего кровь. — Прекрасно. Значит, успеешь. Бери эти коробки с инвентарём и тащи в главный зал.

— С какой стати я? — слова вырвались раньше, чем я успела удушить их в горле.

— С такой, что ты у нас обожаешь быть полезной, — её губы растянулись в отвратительной улыбке. — Или я ошибаюсь? Скажи громко, чтобы все слышали: ты клала на команду. Пусть девчонки увидят твоё истинное гнилое нутро.

По раздевалке змеей прополз шепот. Кто-то хмыкнул. Я перевела взгляд с тяжёлых коробок на замочную скважину шкафчика, а затем уставилась в идеальное лицо Кэтти. Откажусь — она смешает меня с грязью, выставив последней эгоисткой. Подчинюсь — окончательно закреплю за собой статус безропотной шестёрки.

— Ладно, — выжала я через силу. — Я донесу. Но запомни, Кэтти: я тебе не прислуга.

— О, разумеется, нет, милая. Ты просто... безмерно ответственная.

Дверь с грохотом захлопнулась. Смех растворился в коридорном гуле. Они ушли. На мгновение с моих плеч будто упал многотонный пласт — не освобождение, нет, лишь короткая передышка перед новым ударом. Ярость, которую я мечтала выплеснуть ей в лицо, осела глубоко внутри тугим комом. Я стояла одна в пустой раздевалке, смотря на свои дрожащие ладони пытаюсь ухватиться за ускользающий воздух.

Напряжение не отпустило и во время тренировки — напротив, тренировка быстро превратилась в чёртово пекло. Когда мы перешли к отработке элемента Кик-Дабл, я на физическом уровне почувствовала: опасность близко. Кэтти двигалась неестественно резко, а её взгляд буквально жёг мне затылок. В момент, когда я взвилась в воздух для выполнения прыжка, она демонстративно подвернула лодыжку и рухнула прямо под меня. Это не было ошибкой или случайностью — это была подлая подножка. Я теряла равновесие, земля уходила из-под ног, обещая жестокое падение на твёрдый паркет. Но в долю секунды чьи-то руки мёртвой хваткой впились в мои плечи. Нейтлин и ещё пара девчонок подхватили меня, не дав переломать кости. Когда я выпрямилась и восстановила дыхание, то встретила взглядом с Кэтти.

Она уже стояла, чуть поджав ногу, а на её губах играла победоносная ухмылка. Ни капли боли. Ни капли раскаяния. Только холодный расчёт. Я смотрела на неё, и в голове стучали мысли: сколько крови ей нужно выпить, чтобы утолить свою жажду? И сколько раз мне придётся подниматься с колен?

В душевой я скидывала форму с лихорадочной скоростью, спеша сбежать от этой атмосферы. По дороге в аудиторию меня догнала Нейтлин — мой якорь в этом океане дерьма. Её доброта казалась почти аномальной в этом мире, а чистое сердце способно было растопить любую тьму. Кроме тьмы её брата и моей матери. Внешность Нейтлин словно бросала вызов её хрупкой душе: смоляно-чёрные волосы, пронзительные карие глаза. Но стоило ей улыбнуться, как эта тёмная эстетика рассыпалась, обнажая настоящее тепло.

— Талия, чёрт возьми, пора уже вырвать этой сучке хребет! — мягко произнесла Нейтлин. В её глазах плескалась отчаянная тревога за меня.

— Я знаю, Нейт... Понимаю. Но в этой войне нет смысла, — ответила я, чувствуя, как ярость, терзавшая меня изнутри, постепенно утихает в её присутствии.

— Ты должна вырывать своё право на уважение! Если не дашь им отпор, они сожрут тебя живьём, — она понизила голос до шёпота. — Как и с твоей матерью. С ней каждый день — это и так прогулка по минному полю. Рядом с ней веет такой удушливой энергетикой, что дышать тошно.

В её тоне проскользнуло отвращение. На мгновение мне самой захотелось выкрикнуть всё, что я думала о собственном доме, но я лишь опустила взор и прошептала:

— Я просто упустила момент. Нейтлин замерла. Она молча притянула меня к себе, сжав в объятиях так крепко, словно пыталась собрать меня воедино.

— Хочешь, я приду к тебе вечером? — тихо спросила она. — Так у твоей матери не будет повода устроить очередную разборку.

Я горько ухмыльнулась. Она умела держать на лице безупречную маску перед чужими, но дома её маниакальная требовательность сфокусировалась в одной точке. На мне.

— Прости, дорогая, сегодня никак. Дополнительный с Питерсоном, — я попыталась выровнять голос, но он сорвался на хрип. — Не представляю, как Питерсон уломал её... Хотя кого я обманываю? Стоит шепнуть ей на ухо слово «престиж», и она заложит собственную душу.

Я хотела сбежать из своего персонального ада, выстроенного женщиной, которая предпочитала топить меня в своих амбициях, а должна была всего лишь любить.

— Слушай меня, — Нейти сжала мои пальцы. — Если вечером станет совсем невыносимо — пиши. Напиши всего два слова: «Мне плохо». Я приеду. Вытащу тебя или просто буду сидеть рядом.

Я лишь кивнула — горло сжало так, что слова превратились в камень. В этот момент оглушительный тройной звонок разрезал пространство, выдёргивая нас из sentimentalной паузы.

— Чёрт, Питерсон нас убьёт за опоздание! — выдохнула Нейтлин, и мы рванули по коридору, сбивая дыхание.

Когда мы ворвались в класс мистер Питерсон уже стоял у доски, вычерчивая мелом тему. Он медленно обернулся, окинув нас внимательным взглядом поверх строгой оправы очков. Эта деталь придавала ему аристократичный шарм: оправка подчёркивала неестественную, ледяную голубизну его глаз, контрастируя с тёмными волосами. Я прекрасно понимала, почему Милли ходит за ним как привязанная и даже умудрилась войти в доверие к его жене. В нём была манящая сила.

— Мисс Вентресс и мисс Гамбино, вы почти вписались в рамки приличий, — его голос прозвучал сурово и сухо, но в глубине глаз промелькнула едва заметная усмешка. — Занимайте места.

Я упала на стул, мёртвой хваткой вцепившись в край парты.

— Итак, как идёт подготовка к тестированию? — спросил он у аудитории, но его взгляд зафиксировался прямо на мне.

— Всё просто идеально, мистер Питерсон! — соловьём запела Милли с первой парты, и класс закивал в такт.

Он задал Нейтлин пару вопросов по политической системе общества, а затем снова впился взглядом в меня. Этот взгляд... пробирающий до костей. Я заставила себя выпрямить спину, пытаюсь скрыть дрожь за маской гордости.

— Всё отлично. Дела отлично. У меня... всё под контролем, — говорила я сбивчиво, чувствуя, как маска трещит по швам. Лёгкие стянуло судорогой, и каждый вдох стал пыткой. Воздух не насыщал, а душил. Ещё мгновение в этом классе — и я разлечусь на искры. Я сорвалась с места, сумка оказалась в руках почти сама собой, пальцы вцепились в ремень. Коридор был пуст, но тишина кричала.

«Всё нормально. Обычный день. Один из тысячи моих дней», — шептала я про себя, но даже собственные мысли казались чужими.

Спустя две минуты за моей спиной раздались тяжёлые шаги. Питерсон.

Он настиг меня быстро. Сначала на его лице сохранялось выражение строгой преподавательской дисциплины, но стоило ему убедиться, что коридор пуст, как взгляд изменился — стал более глубоким.

— Талия. Что происходит? — тихо спросил он.

Я лишь покачала головой, не в силах разомкнуть губы.

— Тебя кто-то обидел?

Слова застряли в гортани. Голова пошла кругом, земля поплыла перед глазами от истощения. В ту же секунду его сильная рука подхватила меня под локоть, уберёгая от падения, и усадила на деревянную скамью у стены. Когда он опустился рядом, вся моя нервная система натянулась, как струна под напряжением.

— Талия, смотри на меня, — его голос опустился до низкого бархата.

— Просто... просто я так больше не могу! Этот день, эта жизнь — это все не мое! Я этого не хочу! — слова хлынули потоком вместе с горячими слезами, которые я больше не могла удерживать.

Тяго не стал тратить время на утешения, он подвинулся ближе, бережно и одновременно собственнически притянул меня к себе за плечи, погладив по волосам. Этот жест... он пробил мою последнюю защиту. От него веяло едва ощутимым запахом крепкого кофе, темного шоколада и специй.

— Прости. Я переступил границы субординации... — прошептал он мне на ухо, и его пальцы слегка сжали моё плечо. — Но я не могу смотреть, как ты ломаешься.

Он чуть отстранился, прочищая горло и возвращая строгую маску:

— Сегодня в шесть жду тебя на дополнительные занятия.

— Нет... Я не приду, — выдохнула я, но голос сорвался на хрип.

— Повтори?

— Я устала... Я просто не хочу все это, — выдавила я, ненавидя себя за эту слабость. Он замолчал, смерив меня нечитаемым взглядом.

— Сделаем так. Ты придёшь, и мы найдём компромисс.

— Какой компромисс? — я вскинула на него мокрые от слёз глаза.

— Попробуем позаниматься, — в уголках его губ мелькнула едва заметная ухмылка. — Если мозг откажется работать — просто поможешь мне проверить тесты. Или посидишь в тишине.

Я сжала пальцы в кулаки, пытаюсь унять внутренний тремор. — Спасибо... Можно мне не возвращаться на урок?

Он взвесил мои слова. Затем извлёк из кармана брюк связку ключей, взял мою ладонь и вложил их прямо в мою руку, накрыв своими пальцами.

— Это от моего кабинета. Иди туда. Приди в себя. Но сделай так, чтобы никто тебя не видел.

— Спасибо... — выдохнула я.

— Иди, — он слегка нажал на моё плечо, направляя вдоль по коридору. — Я обо всём позабочусь.

Глава 3

Остаток дня Талия решила провести в моём кабинете. Я никогда и никого туда не впускал — это было моё единственное святилище, территория, где на несколько минут можно было сбросить тяжесть маски, спрятаться от наследия своего клана и от самого себя. В мире, где за каждым твоим шагом следят, а любое проявление слабости карается пулей, передать девчонке ключи было глупостью. Это шло вразрез со всеми законами выживания. В нашем мире научили строго: не создавай лазеек, не верь никому, иначе твоё собственное оружие всадят тебе в затылок. Но Талия... Ей не нужны были мои тайны. Ей хватало собственных демонов.

Я искренне видел, как она тонет под тяжестью чужих амбиций, ломаясь под гнѐтом «идеальной дочери». Когда-то давно я и сам пытался соответствовать кодексу Чарлинес, быть «идеальным сыном», пока выжженное нутро не треснуло по швам.

Я потѐр виски и тяжело выдохнул. Всё. Больше ни шагу за черту. У нас разные миры, разные орбиты: она — ученица, ей только исполнилось восемнадцать, а я — мужчина с ужасным прошлым, скрывающийся под личиной её преподавателя. Чѐрт, это было безумием — как быстро она поселилась в моей голове. Я и раньше замечал её, видел в ней родственную душу. Но когда я обнял её, пытаясь удержать от падения, на мгновение показалось, что хаос в моей собственной голове затих. От неё пахло кокосом и чистым, невинным теплом — без той приторной фальши.

«Стоп, — опомнился я, сжав челюсти. — Она под твоей защитой в этих стенах. Она — табу. А ты — тот, кто обязан держать свои звериные инстинкты на цепи».

— Итак, я проверю ваши пробники и завтра дам обратную связь. А сейчас урок окончен, — произнёс я вслух, заглушая лихорадочные мысли. Мне отчаянно требовалось погрузиться в работу, утонуть в сухих строчках, чтобы в висках перестало стучать одно-единственное имя... Талия.

Едва класс опустел, к моему столу медленно подошла Милли. Её бѐдра покачивались с нарочитой откровенностью, а короткая юбка не оставляла места воображению. Она наклонила голову, наигранно хлопая ресницами.

— А можно записаться к вам на дополнительные? — пропела она шѐпотом.

— Милли, мы уже это обсуждали, — в моём голосе звякнуло раздражение. — У меня нет времени. Всё расписано. Если что-то изменится — узнаешь. Ладно?

Она капризно надула губы. Её вульгарный флирт вызывал лишь тошноту. В моём мире женщины вроде неё были лишь развлечением. Поверхностные драмы, пустые эмоции.

И тут же в сознание ворвалась неконтролируемая мысль. Вспышка страсти. Образ Талии. Не той ранимой девчонки с заплаканными глазами, а запретного плода, брошенного в моѐ логово. Её хрупкость в моих фантазиях превращалась в молчаливый призыв. В этом вымышленном мире, где правила моего мира и университета рушились, я был не учителем, а хозяином, которому она подчинялась без единого ропота.

Я сжал челюсть так, что зубы закричали. Это было падение. Вкус запретного пленял и выжигал изнутри. Я знал: поддавшись этому, я потеряю всё. Но в эту секунду что-то шептало, что я готов сжечь этот мир дотла, лишь бы получить её.

Выставив Милли из кабинета, я направился к своему убежищу. Провернув ключ в замке, я открыл дверь скромной комнаты, заставленной архивными папками. Талия сидела на краю стола, едва заметно болтая ногами. В её осанке больше не было того напряжения. В глазах всё ещё таилась тень выстраданной боли, но поверх неё пробивалась хрупкая лёгкость — будто она вынырнула из глубокого омута и жадно глотала воздух.

— Талия, как ты?

— Эмм... Всё в порядке. На самом деле — намного лучше, — она чуть улыбнулась. Улыбка была настолько невесомой, что любой громкий звук мог разрушить этот покой.

Я смотрел на неё, и мои пальцы сжались в кулаки от бессмысленного порыва — притянуть её к себе, укрыть от этого мира, сказать, что теперь за её спиной стою я. Но я сдержался. В моём мире пустые обещания стоят жизни. Либо она вырастит в себе клыки, либо волки сожрут её. А дарить ей иллюзии — значит вынести ей смертельный приговор.

— Я рад, — отрезал я, гася огонь внутри. — Чем хочешь заняться? Проверкой тестов или отчётом для гранта?

— Ну-у-у... — она медленно намотала локон на палец. — Можно сегодня без этих ярлыков «надо» и «должна»? Просто помогу с тестами. Только не давайте мне работы Кэтти или Милли — я им поставила бы «F», даже не открывая.

Она тихо рассмеялась. Этот смех пронзил душный кабинет, как глоток ледяного вина. Я не удержался от ухмылки: к этим девицам я питал похожие чувства, просто умел прятаться за маской педагога.

— Ладно, приступай, — я пододвинул к ней стопку. — Но помни: предвзятость в нашем деле — это халатность. Даже если ручки чешутся наказать. Талия закатила глаза, но в их глубине вспыхнули озорные искры.

Мы сели друг напротив друга. Я погрузился в бумаги, но каждый её вздох, каждое движение ресниц фиксировались моим внутренним локатором. Я дарил ей то, за что в мире мафии платят кровью — абсолютную, безопасную тишину. Пространство, где от неё ничего не требовали.

Спустя время я глянул на часы и нахмурился:

— Уже поздно. Твоя мать не поднимет тревогу?

В глубине души противно заскреблось желание услышать: «Мне некуда спешить, я хочу остаться с вами».

— Ой... Чёрт. Ужин. Она вырвет мне душу, если я опоздаю, — Талия лихорадочно сгребла сумку и выскочила за дверь, на ходу бросив скомканное прощание.

«Дикая, когда сбрасывает шкуру», — подумал я с теплотой. И тут же одёрнул себя: «Она чужая. Чистая. Не смей втягивать её в свою грязь».

Я просидел над тестами ещё полчаса, но буквы расплывались. В ушах всё ещё звучал её смех. Собрав вещи, я спустился на парковку и сразу заметил её силуэт. Талия стояла у фонаря, нервно теребя ремешок сумки.

— Проблемы с такси? — я подошёл со спины, заглушая шаги.

— Приложение зависло, не находит машину, — она подняла глаза, и в них снова залегла знакомая тень тревоги.

— Я подвезу тебя.

Она испуганно качнула головой, вскинув невидимый щит.

— Да ладно тебе, — уголок моих губ полз вверх. — Я не убиваю маленьких девочек по вторникам.

Помолчав с минуту она выдохнула и кивнула. Мы подошли к моей машине.

— Садись вперёд, — я открыл перед ней дверь. — Так безопаснее.

Двигатель отозвался низким, бархатистым рыком хищника. Мы выехали на темнеющую улицу. Воздух в салоне сгустился до предела, становясь почти осязаемым.

— У тебя есть парень? — вопрос вырвался сам собой, прорезая тишину.

— Да. Лиам, — отрезала она, моментально возводя стену. — Но всё рушится. Мы почти не видимся. Точнее... он пытается вытянуть наши отношения на новый уровень. Требуется того, к чему я не готова. Для меня он просто друг, хотя формально мы пара. Но Лиам, ему нужно большее... близость. А я отдаляюсь. Хотя он и поддерживает меня.

Пальцы на руле сжались так, что кожа на костяшках побелела.

— Тот, кто пытается давить на тебя и вынуждать к близости, не имеет права быть рядом, — процедил я.

Внутри закипала непонятная собственническая ярость.

— Если мужчина не способен защищать твои границы — он ничтожество.

— Он просто хочет нормальных отношений. Чего-то... «по-взрослому», — тихо добавила она, сжимаясь на сиденье.

«По-взрослому», — мысленно повторил я, и кровь прилила к вискам. Какая, к чёрту, взрослость с мальчишкой?

— В моей жизни тоже нет тепла, — выплюнул я, сам поражаясь своей откровенности. — Моя жена Айрис ежедневно напоминает, что наш брак — это формальность. Но при этом она требует от меня полного подчинения. Статуса. И соблюдения супружеского долга, словно я её собственность.

Я мельком взглянул на её замерший силуэт. Зачем я втягиваю эту девчонку в свои семейные омуты?

— Прости, — добавил я сухо. — Не стоит загружать этим тебя. Но ты удивительная, Талия. И ты не должна прогибаться ни под Лиамом, ни под этот мир. Пускай этот проклятый мир прогнётся под тебя.

Машина плавно замерла у её дома.

— Мы приехали, — произнёс я ровным голосом.

— Спасибо, — выдохнула она, берясь за ручку двери.

— Талия, — позвал я, когда она уже готова была шагнуть в ночь. — За пределами школы... меня зовут Тяго. Наедине — только Тяго. И на «ты».

Она обернулась. На её щеках вспыхнул алый румянец, а на губах промелькнула смущённая улыбка.

— Тяго, — тихо произнесла она.

Моё имя, слетевшее с её губ, отозвалось в груди чем-то сладким. Дверь захлопнулась, и её хрупкий силуэт исчез в темноте двора. Я остался сидеть в тишине машины. «Тяго»... Это звучало как приговор. Я резко надавил на газ, выжимая из мотора всё, пытаюсь уйти от этого шёпота. Но он преследовал меня всю дорогу до самого дома.

В особняке меня встретила Айрис. В шелковом халате, с бокалом вина в руках, её расчётливые глаза сканировали меня насквозь — взгляд женщины, знающей цену каждой ошибке и требующей своё по праву.

— Где ты был? — Она подошла вплотную, проводя длинным красным ногтем по отвороту моего пальто.

— Я проверял работы. Задержался, — я отстранился, сбрасывая её руку.

Айрис усмехнулась, не поверив ни единому слову.

— Мы с тобой знакомы более пятнадцати лет. Я знаю этот взгляд, но не забывай правила, Тяго. Свобода действий у тебя есть, пока ты играешь по правилам Коза Ностры... и моим. Но привязанность в нашем мире — это мишень на твоём затылке и смертельный приговор для той дряни, которую ты подпустишь слишком близко.

Я ничего не ответил. Я лишь прожёл её взглядом и поднялся на второй этаж, слушая, как эхом отзывается каждое её слово. Слова Айрис петлёй сжимали горло. И она права, здесь за ошибки не платят извинениями — за них платят жизнью. И больше всего я боялся, что счёт предъявят не мне, а той хрупкой девчонке с глазами цвета неба, которая совсем недавно произнесла моё имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.